

и предсмертное хрипение были уже едва слышны. Кожа его местами отстала, повсюду вздулись огромные, красные пузыри, наполненные жидкостью.

Решили позвать врача. Санитар спросил: — Как звать парня?

— Не знаем — отвечали рабочие. — Это итальянец. Здесь он № 11.

Итальянца осторожно положили на носилки. Лицо его было ужасно. Глаза, губы покраснели, съеденные заживо пламенем. Он делал страшные гримасы. Потом его рот искривился в последний раз, и на нем застыла печать страдания. Рабочий № 11 скончался.

Пестр и многонационален состав рабочих завода. Тут французы, итальянцы, испанцы, марокканцы. Но труд их спаял, их роднит между собой чувство пролетарской солидарности. В пользу жены и детей сгоревшего заживо рабочего товарищи устроили сбор. «Стихийное движение солидарности воодушевило рабочих. Все, какой бы национальности они ни были, вносили, кто сколько мог...»

В этой первой книге Андре Филиппа еще нет стройного сюжетного повествования. Это ряд эпизодов, рисующих жизнь и быт завода, безработицу, сцены найма безработных, работу на шахте и отдых рабочих. Любвоню рисует автор жизнь рабочих семей Бессе и Рош. Ряд газетных выдержек о сталелитейной

промышленности и положении стального рынка во Франции вклинивается в бытовые эпизоды книги, и надо сказать, что это смешение стилей не всегда оправдано. Нельзя не указать также и на то, что сталь, расплавленная, огнедышащая, обжигающая, несколько отодвинула на второй план живых людей.

Надо надеяться, что Андре Филипп не даст вскружить себе голову неумеренными похвалами некоторых критиков, сравнивающих «Сталь» чуть ли не с «Жерминалем» Золя. Филипп знает быт рисуемой им среды, он любит ее и литературное дарование его несомненно. В декабрьской книжке «Коммю» (за 1937 год) опубликован отрывок из еще неизданной второй книги Филиппа «La Souffrance», где описано посещение семьи Бессе (она, видимо, играет центральную роль и в этой книге) Полем Вайян-Кутюрье, когда тот скрывался от полиции. Отрывок ярко рисует горячую любовь рядовой пролетарской семьи к коммунистической партии и читается с большим интересом.

Андре Филиппу предстоит еще долго и упорно овладевать литературным мастерством. Но уже теперь нужно радоваться приходу во французскую литературу рабочего-металлиста, одаренного человека труда, неразрывно связанного с народом и вышедшего из его рядов.

Вл. Рубин

ЛУЧШИЕ РАССКАЗЫ ИЗ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛОВ. (Edward O'Brien, The best short stories. 1937, Boston and New York, Houghton Mifflin Company, pp. 394)

Очередной том о'брайеновских «лучших рассказов» был в некотором роде боевым. В предисловии О'Брайен как бы обращается к редакторам американских журналов с призывом такого рода: «Нет, в самом деле, почему вы думаете, что публика совсем не восприимчива к хорошим рассказам?» Он приводит пример американского редактора 900-х годов Артура Ваиса, который имел мужество печатать хорошие рассказы, и однако же не прогорел на этом деле. О'Брайен считает, что нынешние американские редакторы питают чрезмерное пристрастие к плохим рассказам, потому что они будто бы очень нравятся «читающей публике». Он думает, что в Англии дело обстоит лучше: среди «лучших рассказов» последнего тома английских вдвое больше, чем американских, английские получили

наибольшее количество «высших отличий» — «трех звездочек» по своеобразной трехбалльной системе О'Брайена, они занимают особо почетное место и в «Свитке почета», который обнародован здесь же, на последних страницах ежегодника.

О'Брайен выдвигает на первое место три новеллы последнего года, которые, по его мнению, останутся в литературе. Стоит приглядеться к этим новеллам. Первая из них — «Приказ о выступлении» Морриса. Зафилопулос — один из самых знаменитых портных Парижа. Он толст, богат и пресыщен. Сбылись самые честолюбивые мечты безграмотного салонического грека, и теперь ему уже нечего ждать от жизни. Моррис уверяет нас даже, что спокойное ожидание смерти и полнейшее равнодушие к событиям этой жиз-

ни сделали Зафиропулоса философом. Он сам идет к смерти, смерть всегда самоубийство — вот основная «идея» рассказа, которая очень нравится и автору и О'Брайену. Был у Зафиропулоса клиент, который задолжал ему много денег. В обеспечение своего долга этот клиент навязал Зафиропулосу свой аэроплан и одновременно свою любовницу, летчицу, «загадочную» авантюристку, «роковую» женщину. Зафиропулос обрел снова вкус к жизни, хотя чувствует, что именно это приключение ведет его прямо к смерти. Но я, конечно, очень «упрощаю». По мнению Морриса, Зафиропулос обрел вкус к жизни именно потому, что она уже дала ему «приказ о выстулении», т. е. о смерти. Это вкус к жизни, основанный на вкусе к смерти. «Загадочная» летчица поднялась вместе с Зафиропулосом в воздух, машина сломалась (о, конечно, не случайно!), и наступила желанная смерть для обоих. Надо ли пояснять, что этот надуманный, упадочный и пошлый рассказ в хорошей литературе не останется?

Другой, получивший наивысшие о'брайенские отличия рассказ еще более характерен. Это — «Пассажир в Бали» Эллиса Стивена Джозефа. В Шанхае на пароход «Раундабаут», в последние минуты перед отходом, сел странный пассажир. Это человек испанского телосложения, по профессии — миссионер. Он спешит в Бали (остров в голландской Ост-Индии), к месту своей службы. Но ни в Бали, ни в других портах местные власти не позволяют ему сойти на берег. Он вовсе не миссионер. Доктор Райбе Валькес — «страшный революционер», анархист, который хорошо известен всей колониальной администрации. Он «обращает» туземцев не в христианскую веру. У него нет родины, все страны от него отказываются. Они боятся держать его у себя даже в тюрьме. Капитан «Раундабаута» Инглиш вынужден возить его с собой, хотя Валькес уже сумел завязать дружбу с командой, которая состоит из туземцев, и открыто призывает их к бунту. Так он и путешествует, капитан Инглиш, с «революцией у себя дома», на борту своего «Раундабаута». В полном отчаянии Инглиш обращается за помощью к британскому консулу в одном из портов. Тот официально «ничем не может помочь», но как «частное лицо» советует ему выбросить д-ра Валькеса за борт. Инглиш не смог бы этого сделать, даже если б он не был гуманистом: д-р Валькес гораздо сильнее его, состязание может плохо кончиться. Поднимается шторм, пароход потерял управление. Все прощаются с жизнью, один только Валькес сумел в решающую минуту

остановить бешено вертевшийся штурвал и в какой-то мере овладеть положением. Однако гибель только отсрочена. Все покидают пароход и спасаются на шлюпках — все, кроме Валькеса и нескольких человек из команды, которые уже не могут его покинуть и готовы разделить с ним смерть.

Этот рассказ по основным своим мотивам очень привлекателен. Он в самом деле остался бы в литературе, если бы «революционер» д-р Валькес был хоть сколько-нибудь похож на настоящего революционера. Но поступки Валькеса большей частью совершенно бессмысленны, его рассуждения inferнальны и беспредметны. Это очень странный, но совершенно несерьезный герой. Таковы революционеры, по мнению Джозефа, но это бесконечно далеко от какой бы то ни было правды.

Третий рассказ, получивший высокую оценку О'Брайена, — «Железный город» Ловелла Томпсона — написан в манере Джозефа Конрада, очень искусно, но мало оригинально. Тема: борьба двух бродяг за женщину — за женщину, которая не принадлежит ни тому, ни другому. Борьба эта происходит в грузовом отделении большого океанского парохода, среди ящиков, за которыми спрятались оба соперника. У них общие интересы, потому что для паровой администрации они оба в равной мере безбилетные пассажиры, но одновременно они враги, потому что один из них — счастливый обладатель фотографической карточки, которую страстно хочет заполучить другой. И этот другой убивает своего товарища, чтобы овладеть всего только карточкой женщины, которую он никогда не увидит. Конец рассказа очень «литературен», вся ситуация надумана, но некоторые страницы «Железного города» полны настоящего драматизма.

Таковы три лучших, по мнению О'Брайена, рассказа за этот год. Особняком в этом сборнике стоит рассказ Хэмлингуэя «Снега Килиманджаро», который уже известен советскому читателю. Серьезного внимания заслуживает рассказ Лин Зугсмит о безработном — «Место в жизни». Он замечателен по чистоте тона; он не испорчен ни снисходительным «сочувствием» к безработным, ни слишком большой «занимательностью», которая должна вознаградить буржуазного читателя за неприятную для него тему рассказа. Заключительная сцена превосходна.

Остальные рассказы не выше обычного стандарта англо-американских рассказов для чтения. Но стандарт этот, если говорить только о литературном умении, о лите-

раторской технике, довольно высок. Почти все авторы, представленные в этом сборнике, хорошо владеют фабулой. Увлеченные «потоками сознания» уже почти прошло.

В сборнике 1937 года можно насчитать всего только два-три психоаналитических рассказа, и это уже большой успех.

Л. Боровой

ГАРРИ ГАРРИСОН КРОЛЛ — «Я БЫЛ ИЗДОЛЬЩИКОМ». Нью-Йорк, 1937 г., 327 стр. (Harry Harryson Kroll. «I was a sharecropper». New York, 1937, p. 327)

Пустынные земли возле устья Миссисипи, покрытые лесами и болотами. Днем и ночью, сквозь чащи и топи медленно тащится фуртон семьи переселенцев, нагруженный скудным скарбом; отец и страшный брат едут верхом впереди, погоняя коров, в фургоне, на куче тряпья, возятся дети, мать хлопочет, устраивая ночлег. Долгие переходы, где на целые мили вокруг не встретишь человека, тишина и одиночество ночей в тропическом лесу, крадущийся шаг пантеры, туманы, на рассвете поднимающиеся с болот и окутывающие спящих у потухших костров...

Так начинается автобиографический роман о жизни переселенцев с Севера молодого американского писателя Кролла.

Эта книга во многом напоминает произведения Эрскина Колдуэлла и Бен Фильда. В ней встает в тех же натуралистически мрачных тонах подлинный герой романа — Юг, лесорубы и хлопководы, беднейшие издольщики и батраки, с их тяжелой борьбой за существование, Юг со всей иступленной расовой ненавистью, нищетой белых и бесправием и угнетением черных, со всей озлобленной и одичалой жизнью в глухих уголках, с убийствами и линчеваниями.

Кролл рассказывает о разорении и вырождении семьи переселенцев, об их поражении в борьбе с нищетой, голодом и холодом, с алчностью, жестокостью и произволом «боссов», с озлобленной конкуренцией дешевого негритянского труда. О засухе, сжигающей плантации, о наводнениях, затопляющих поля, разрушающих дома и уносящих людей;

о ночном бегстве людей, врасплох застигнутых ураганом, — то ползком, то вплавь, сквозь сурлящие, мутные, пенящиеся волны; о детях, мечущихся в лихорадочных грезах малярии и голода.

«Ветер скитаний» гонит семью с места на место, не давая нигде преклонить голову, разрушает очаг, раскидывает в разные стороны детей и родителей. Гонимые нищетой и безработицей, сперва отец, а затем сыновья один за другим покидают дом для бродяжнической жизни. Мать стареет в одиночестве и тоске, в полуразрушенном доме. Лишь самый младший сын, Гарри, выбивается в люди, ему удается стать писателем, и в этом романе он показывает жизнь своей семьи, одной из сотен тысяч семей беднейших издольщиков.

Кролл умеет видеть и рисовать на этом мрачном фоне образы труда и борьбы. Он увидел мужество и благородство переселенцев, отвоевывающих у пустыни, у лесов и болот пахотную землю, защищающих свои поля от грозной тропической природы. Он увидел энергию и жажду жизни, упорство и трудолюбие, волю к борьбе за свои права.

Книга о жизни переселенцев проникнута духом их предков, пионеров и борцов за свободу и независимость Америки. В этом обращении к славным историческим традициям американского народа, традициям труда и свободы, в этом утверждении человеческого достоинства — ценность книги Кролла.

Р. Миллер-Будницкая

Б. ТРАВЕН — «ВОССТАНИЕ ПОВЕШЕННЫХ» (B. Traven, «Die Rebellion der Gehängten. Büchergilde Gutenberg, Zürich-Praga, 1936)

В течение последних лет на Западе появилось множество книг, авторы которых на материале ушедших эпох и событий ставят и разрешают вопросы сегодняшнего дня. К ним

принадлежит и «Восстание повешенных» Б. Травена, немецкого писателя, живущего в Южной Америке и написавшего ряд произведений об индейских крестьянах и рабочих.